

УДК 14/32

Философские истоки политической теории постпозитивизма

Коньшев Валерий Николаевич

Доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9;
e-mail: konyshev06@mail.ru

Сергунин Александр Анатольевич

Доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9;
e-mail: sergunin60@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются такие философско-мировоззренческие истоки постпозитивистской теории политики, как учение Ф. Ницше, американский прагматизм конца XIX – начала XX вв., «аналитическая философия» Л. Витгенштейна и «риторическая философия» Р. Рорти. В результате большинства направлений постпозитивизма унаследовало от этих учений такие принципы, как иррационализм (неверием в силу человеческого разума); релятивизм (неверие в возможность познать истину); неопрагматизм (отождествление истины с разновидностью пользы); мировоззренческий эклектизм (попытки соединить подчас прямо противоположные теории и концепции); историко-философский пессимизм (неприятие идей так называемого линейного прогресса и постоянного совершенствования общества и человека, концепций, основанных на идеалах Возрождения и Просвещения). Постмодернизм как наиболее радикальная версия постпозитивизма

вообще отвергал возможность и необходимость существования теоретического знания как такового, включая политическую теорию. Лишь относительно недавно появились направления постпозитивизма, которые попытались предложить свои собственные политические теории (например, социальный конструктивизм).

Ключевые слова

Постпозитивизм, философские истоки, иррационализм, релятивизм.

Введение

Кризис общественных наук 1970-1980-х гг. во многом был порождён засильем неопозитивизма, особенно таким его направлением как структурализм. Многих ученых-обществоведов не устраивали претензии неопозитивизма на роль некой универсальной методологии. Чрезмерное увлечение неопозитивистов эмпирическими исследованиями привело к нагромождению в социальных науках невостребованной фактологии, которая слабо использовалась для построения объясняющих теорий.

Когда же неопозитивисты принимались за создание теорий, итогом их деятельности становились или упрощенческие, иногда даже примитивные, концепции, или, наоборот, нарочито заумные конструкции. В результате школы, ориентированные

на неопозитивистскую методологию, оказались не в состоянии объяснить бурные общественные процессы, происходившие в конце XX в.

Реакцией на подобное состояние общественных наук стал так называемый постпозитивизм, сначала подвергший тотальной критике все существующие парадигмы (этим занимались его ранние версии – различные «критические» теории, постмодернизм), а затем попытавшийся выдвинуть свои собственные теории: постструктурализм, социальный конструктивизм, постфеминизм, постмарксизм и др.¹

¹ Подробнее о постпозитивизме в социальных науках см.: Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и западная общественная наука // Социально-политический журнал. – 1996. – № 3. С. 151-168; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых великих дебатов? // Полис (Политические исследования),

В задачи данной статьи входит анализ идейных истоков «постпозитивистской революции» (как «скромно» именуют этот феномен сами постпозитивисты) с тем, чтобы понять, как происходило формирование основных принципов этой «неклассической» парадигмы политологии и той тематики, которая находится в центре современных теоретических дискуссий.

В философском плане постпозитивизм представляет собой интеллектуальную реакцию на доминирование рационализма в общественных науках XVIII–XX вв. В связи с этим внимание будущих постпозитивистов привлекали, прежде всего, те философы, которые высказывали сомнение во всемогуществе человеческого разума, науки и технического прогресса.

Философия Ф. Ницше

Среди философов-иррационалистов XIX в. особенно большое влияние на историко-философское мироощущение постпозитивистов оказал Фридрих Ницше. В частности, сторонников постпозитивизма впечатлила

2013. – № 2. – С. 66-78; Коньшев В.Н., Сергунин А.А. «Постпозитивистская революция» и философия мировой политики // Философские науки, 2013. – № 9. – С. 54-65.

его критика «проекта Просвещения», основанного на стремлении к освобождению человечества, вере в разум, науку, линейный прогресс, созидательные силы человека. Тезисы Ф. Ницше о «последнем человеке», «смерти Бога» демонстрировали ограниченность человеческих возможностей, зыбкость традиционных религиозно-философских верований, моральных принципов и научных знаний.² Ф. Ницше указывал на иррациональные, «темные» стороны человека, которые не были, да и не могли быть изжиты амбициозными проектами эпохи модерна.

Для постмодернистов, одних из первых представителей постпозитивизма, общественные трагедии XX в., воплощенные в двух мировых войнах, чудовищных преступлениях тоталитарных и авторитарных режимов, изобретение оружия массового уничтожения лишней раз подтверждают правоту немецкого философа, а не сторонников идей Возрождения и Просвещения.

Один из «отцов-основателей» постмодернизма, французский философ и историк Мишель Фуко посвятил анализу учения Ф. Ницше целую рабо-

2 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Сборник трудов. – Минск: Харвест, 2005.

ту под названием «Ницше, генеалогия, история». М. Фуко считает Ф. Ницше родоначальником принципиально новой трактовки истории. В противоположность историкам, претендующим на объективность освещения событий прошлого и рассматривающим саму историю линейно, одномерно, Ф. Ницше считал, что прошлое восстановить до конца невозможно, а традиционная историческая наука полна мифов и обманов. Если нужен правдивый отчет о прошлом, историю нужно заменить на *генеалогию*, которая имеет дело только с установленными фактами и не дает простора для субъективных измышлений или идеологических подтасовок.³ История по М. Фуко – это не реконструированное прошлое, понятое как закономерный процесс непрерывной эволюции общества, а переплетение единичных событий, между которыми не может быть закономерных связей.

Американский прагматизм

Американские прагматики конца XIX – начала XX вв. (Ч. Пирс, У. Джеймс, Ч. Дьюи) также оказали влия-

3 Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. – Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. – С. 74–97.

ние на становление мировоззрения постпозитивистов, в частности на их понимание таких важных философских проблем, как соотношение абсолютной и относительной истины, а также возможность познания истины как таковой.

Как известно, прагматики отстаивали мысль о том, что значение понятия определяется отношением не к объекту, а к субъекту. По их мнению, значение следует рассматривать в контексте тех практических последствий, которыми оборачивается использование нами определенного понятия. По сути дела, они понимали под истиной разновидность полезного.⁴ Поэтому, в зависимости от субъективного понимания пользы, истина могла меняться или вообще переставала быть таковой. Высказанная истина не является окончательной, и мы во взаимодействии с объективной реальностью «создаем» истины.

Именно под влиянием американского прагматизма и его поздней-

4 Пирс Ч.С. Начала прагматизма / перевод с англ., предисловие В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ/Алетейя, 2000; Dewey J. How We Think. – Lexington, MA: D.C. Heath, 1910. Reprinted: Buffalo, NY: Prometheus Books, 1991.

ших последователей постпозитивисты встали на позиции философского релятивизма, признающего возможность познания только относительной истины. Наиболее радикальная версия постпозитивизма – постмодернизм – вообще отрицала возможность познания какой-либо истины.

«Аналитическая философия»

Л. Витгенштейна

Значительное влияние на становление постпозитивизма оказало учение Людвиг Витгенштейна о языке философии. Направление «аналитическая философия», в русле которой он работал, появилась как ответ на кризис в философии начала XX в. Кризис был связан с критикой идеалистической метафизики с позиций новой волны позитивизма Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса («второй позитивизм»).

Современный постпозитивизм во многом опирается на идеи, высказанные в ранней работе Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат», впервые вышедшей в свет в 1922 г.⁵ В трактате прослеживаются три главных положения:

5 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. А. Добронравова, Д. Лахути. – М.: Наука, 1958.

Во-первых, «семантический акцент» – особое внимание к проблеме формирования значения слова как основного механизма, лежащего в основе получения знания.

Во-вторых, «методологическое упрощение» – отказ от построения философских систем по примеру немецкой классической философии и сведение всех форм философствования к аналитическому методу.

Л. Витгенштейн продолжил развивать общефилософскую идею Бертрана Рассела об «атомарном факте», которая означает, что мир состоит из логически простых предметов и свойств, которые далее не делятся на другие предметы и свойства: атом, Луна, круглый. Из простых предметов и свойств складываются атомарные факты, что находит отражение в языке в виде простых предложений типа «Луна круглая». Затем можно конструировать с помощью набора языковых связок, обозначающих связь вещей, все более сложные факты: «Земля и Луна круглые». Л. Витгенштейн считал, что *язык абсолютно копирует окружающий мир*. Действительность состоит из атомарных фактов, а язык – из элементарных предложений. Тогда задача философии состоит в том, чтобы создать идеальный в плане его логической и смысловой однознач-

ности язык, который и снимет многие философские проблемы. Эти проблемы нередко оказываются ложными только из-за многозначности слов и логической нестрогости естественного языка, которым люди пользуются.

В-третьих, «лингвистический редукционизм» – сведение всех проблем, над которыми работает философия, к проблемам языка. Этот тезис основан на постулате Л. Витгенштейна о том, что пределы познания устанавливаются тем, что возможно выразить в языке.

Здесь следует сразу оговориться, что язык вовсе не является зеркальным отражением мира предметов. Достаточно обратиться к эмоционально-оценочным выражениям вроде «Какой аргументированный довод!», которые не называют предмет, или таким высказываниям как «Иду на Вы», «Объявляю переговоры оконченными», когда сам акт высказывания представляет собой действие, а не его отражение.

Задачу создания идеального языка, пригодного для науки, пытались затем решать представители Венского кружка философов-логиков в лице Морица Шлика, Рудольфа Карнапа, Отто Нейрата. Они видели основной путь «улучшения» языка в

его разумной формализации. В частности, ими была предложена идея верификации высказываний как критерия истинности. Для этого требовалось раскладывать сложные высказывания на более простые, которые можно подвергнуть эмпирической проверке. Этот путь оказался по существу тупиковым, поскольку реформированный таким образом язык мог служить лишь специально-научным задачам (как математическая логика), но не философии в целом и уж тем более не языком общения.

Позже, начиная с 1930-х гг., Л. Витгенштейн отказывается от примитивного сужения содержания и функций языка, что и находит отражение в его следующей работе «Философские исследования», которая была издана уже посмертно.⁶ Философ обратил внимание на то, что основная масса предложений языка принципиально не может быть верифицирована. Это восклицания, вопросы, просьбы, молитвы, приказы, угрозы, клятвы, оценки происходящего. Л. Витгенштейн пришел к мысли, что как раз эти предложения являются подлинными формами жизни:

6 Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985. – С. 79–128.

«107. Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием. (Ведь кристальная чистота логики оказывается для нас *не достижимой*, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требованию чистоты грозит превращение в нечто пустое. – Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно *трение*. Назад, на грубую почву!».⁷

Таким образом, «лингвистический поворот» как отождествление языка и действительности в его философии сохранился, но получил практически противоположное направление. Л. Витгенштейн отказался от идеи создания идеального языка философии, и обратился к изучению «игры смыслов» живого языка, к расплывчатым понятиям, которые невозможно загнать в фиксированные правила. Именно эти идеи затем подхватили ревностные критики позитивизма и возвели в абсолют.

В дальнейшем получает развитие учение о значении слова (вы-

⁷ Там же.

ражения), которое возникает только в контексте конкретного предложения, а не существует «вообще», в отрыве от него. Л. Витгенштейн пишет, что значение возникает, получает оттенки и может заметно меняться в зависимости от практики употребления слов в речи. Так, значение слова «старик» соотносилось с людьми разного возраста в XVIII и XXI веке, а на слэнге стариком могут назвать юношу. Известно, что кличка «Старик» была у В. И. Ленина в кругу соратников за его начитанность и высокий авторитет. Отсюда делается вывод, что значения слов нельзя жестко зафиксировать и что многие слова пересекаются по своему значению. Таким образом, можно выделить целый пласт слов, которые будут менять свои значения в зависимости от конкретной речевой ситуации. Конечно, это касается не всех слов, например, выражение «действующий президент В. В. Путин» сохраняет устойчивое значение.

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн подчеркивал, что язык является общественным явлением, которым не может обладать единственный человек. В этой связи «аналитическая философия» обратилась к проблеме сознания «другого»: как существуют «я» и «другой» в языке?

Л. Витгенштейн считал, что нет пути, по которому можно было бы проникнуть в чужое сознание, а индивидуального языкового «я» тоже быть не может, иначе как бы люди понимали друг друга. Если смысл неизвестным образом порождается внутри человека, то для науки остается другой путь – обращение к тому, что можно назвать внешним – к речи.

Из этого и формировался интерес философии и других общественных наук XX века к семиотической (знаковой) природе языка как универсальному отражению мышления и действительности. Другое дело, что вопрос о границах между ними остался по большому счету не разрешенным до сих пор. И эта зыбкость, а также упрощенные представления о природе языка, успешно переключались в постпозитивистские теории, которые применяли семиотические подходы к анализу политических процессов.

«Риторическая философия»

Р. Рорти

Наряду с «аналитической философией» Л. Витгенштейна, мировоззрение постпозитивистов во многом опиралось на учение Ричарда Рорти (США), хотя последний позициони-

ровал себя в роли антипода австрийского философа. Вслед за Ф. Ницше и американскими прагматиками, Р. Рорти подверг особо острой критике рационалистическую теорию познания, на которой основывались общественные науки эпохи модерна. По его мнению, со времен Галилея в науке укоренилось механистически бездушное восприятие мира и человека. Согласно этой позиции, чем больше исследователь абстрагируется от человеческих эмоций и моральных ценностей, тем точнее можно объяснить суть и направление развитие изучаемых объектов и явлений. Р. Рорти считал эту научную традицию противоположной линии Аристотеля, который трактовал мир «анимистически, телеологически и антропоморфически».⁸

Он считал, что главный тезис рационализма – «человеческие знания отражают суть происходящего в природе» – в корне неверен, ибо невозможно создать абсолютно нейтральные условия для познающего субъекта, обеспечивающие объективность знания.⁹ «Когда Галилей гово-

8 Rorty R. Method, social science and social hope // Interpreting politics. Ed. by Gibbons M. – Washington Square, N.Y.: New York University Press, 1987. – P. 241.

9 Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. – Oxford: Blackwell, 1980. – P. 365-367.

рил, что Книга Природы написана на языке математики, – отмечал Р. Рорти, – он имел в виду, что его новый редуционистский, математический словарь верен не по случайной причине, а потому, что он соответствовал реальному ходу вещей. Он имел в виду, что словарь был правилен, потому что он подходил к объяснению вселенной, как ключ подходит к замку». ¹⁰

Декарт, по словам Р. Рорти, продолжил традицию Галилея, введя понятие «естественной ясности» для понятий науки. Дж. Локк предложил сводить сложные идеи к простым как наиболее верному способу познания мира. Кант же, саркастически пишет Р. Рорти, не нашел лучшего объяснения, чем утверждение о том, что «замок» (мир) и был создан для того, чтобы «ключ» (наука) к нему подходил (намек на взаимоотношения категорий «вещь в себе» и «вещь для себя»).

Отвергнув рационалистический тезис о том, что знания объективны и отражают сущность явлений окружающего мира, Р. Рорти пришел к выводу об иллюзорности представлений о том, что научные методы ведут к объяснению мира. Его работы содержат «взрывоопасный» аргумент,

который заключается в том, что идеи являются по преимуществу созданием социальных существ, а не репрезентацией природы как таковой и тем более не ее зеркальным отражением. ¹¹

Он высказывает откровенное сомнение в том, что «наши критерии успешного исследования являются не просто нашими критериями, но *правильными* критериями, критериями природы, критериями, которые ведут нас к *истине*». ¹²

По его мнению, вера в познаваемость мира приводит сторонников «аналитической философии» (он считал ее разновидностью рационализма) к тому, что они постоянно увлекаются новыми теориями и «научными методами», которые, как им кажется, объясняют мир, но которые на самом деле также ошибочны, как и прежние учения. Пора избавиться от иллюзии, будто такие категории, как «бог», «наука», «знание», «рациональность», «правда» существуют на самом деле и что их можно познать с помощью

10 Rorty R. Method, social science and social hope. – P. 241–242.

11 Paul S. Feminism and Postmodernism. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humanismtoday.org/vol8/paul.pdf>

12 Рорти Р. Философия и зеркало природы / пер. с англ. В. Целищева. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. – С. 221.

научных методов.¹³ Отсюда ставилась главная задача: «разрушение аналитической философии». Что же, однако, он предлагал в качестве замены этому, по его словам, «предрассудку» эпохи Просвещения?

Р. Рорти указывал, что уже в начале XX в. стали появляться ученые, которые перестали искать «подлинно научный метод», нацеленный на познание законов природы и общества, ибо поняли бесполезность этой затеи. Так, уже упоминавшиеся американские философы У. Джеймс и Дж. Дьюи считали, что нужно говорить о понятийном аппарате науки не с точки зрения того, как он соответствует реальности, а как он служит решению той или иной познавательной задачи. Из этого следует, что, если конкретная методика работает лучше, чем другая, нужно использовать именно ее. Однако, если в другой ситуации она работает плохо, нужно от нее отказаться. Нельзя задаваться вопросом: «Что Галилей сделал хорошего, а Аристотель – плохого?» Надо просто сказать, что у Галилея была хорошая идея, а у Аристотеля – не очень хорошая. Галилей использовал терминологию, которая оказалась полезной, а Аристотель – нет. Ему удалось это

13 Там же. – С. 258.

сделать не потому, что эта терминология была «ясной», «естественной» или «простой», а просто потому, что ему повезло.¹⁴

По мнению Р. Рорти, на смену «аналитической» должна прийти «риторическая философия», в основу которой должен быть положен релятивистский принцип «диалога-беседы» (термин, впервые введенный другим «предтечей» постпозитивизма – М. Оукшоттом).¹⁵ Суть этого подхода заключается в том, что новое знание рождается не в результате взаимодействия познающего субъекта и объекта, а в ходе сопоставления мнений и взглядов индивидов по той или иной проблеме. Согласно исследовательской позиции Р. Рорти, «Разговорный интерес философии как предмета или некоторого индивидуального гениального философа варьируется и будет продолжать варьироваться непредсказуемым образом, в зависимости от случайностей».¹⁶ Истину все равно нельзя познать, но более или менее «правдоподобный отчет» об истине

14 Там же. – С. 243.

15 Oakeshott M. The role of poetry in the conversation of mankind // Rationalism in politics and other essays. – London: Methuen, 1962. – P. 197-247.

16 Рорти Р. Философия и зеркало природы. – С. 290.

с помощью диалогового метода все-таки можно дать. Эта позиция близка к интерпретации истины как разновидности полезного, излагавшейся в трудах интеллектуальных кумиров Р. Рорти – американских философов-прагматиков конца XIX – начала XX вв.

Р. Рорти не видит опасности в том, что философии «пришел конец». В новых условиях задачи философов только видоизменяются: «Если Платон и даже Кант стремились рассматривать общество и культуру, в которых они жили, с внешней позиции, – неизбежной и неизменной истины, – то более поздние философы постепенно отказались от подобных надежд... Наша роль больше сходна с ролью инженеров или юристов. В то время как жрецы и мудрецы разрабатывают свою программу, современные философы, подобно инженерам и юристам, сначала должны выяснить, что нужно их клиентам».¹⁷ Назначение философа состоит в посредничестве, иначе говоря, в интерпретации и переводе научных текстов на доступные другим «языки». Нужно «осторожно и

терпеливо внедрить идею политического равенства в язык традиций, утверждающих разницу между разумным или вдохновенным мудрецом и неорганизованным, мятущимся большинством».¹⁸

Нельзя не заметить, что критика Р. Рорти фактически нацелена лишь на одну научную традицию – механистически-линейное восприятие природы и общества. Но в философии существовали и другие школы рационализма, которые никак не упрекнешь в этом недостатке. Скажем, различные направления диалектики (от Гегеля до Маркса) вовсе не пытались перенести методы, принятые в естественных и точных науках, в сферу познания общества и человека, или воспринимали окружающий мир одномерно. Более того, они не претендовали на «монопольное» владение истиной, прекрасно отдавая себе отчет в относительности любого научного знания и несовершенстве существующих методов. Но они и не скатывались в полный релятивизм и старались создать сбалансированные теории об абсолютности и относительности истины.

Несправедливы упреки Р. Рорти и в адрес науки как способа познания мира. У него получается, что наука

17 Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. – 1994. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000662/>

18 Там же.

пытается монополизировать познание природы, общества и человека, причем делает это на рационалистической платформе. Может быть, этот недостаток и присущ некоторым школам, но вряд ли этот «грех» стоит приписывать науке в целом. Многие ученые прекрасно понимают, что наука – лишь один из возможных способов познания мира. Подчас, например, искусство дает гораздо более достоверное знание об окружающем мире и самом человеке, чем наука. Мало кто спорит и с тезисом о том, что эмоции, интуиция могут оказаться более полезными инструментами познания, чем разум. И все же это не дает основания говорить о том, что наука и ее рационалистические методы вообще не нужны для познания мира. Нужно лишь помнить об ограниченности каждой из форм познания и находить правильный способ познания для каждого конкретного случая. Настоящая проблема как раз и состоит в том, чтобы выяснить возможности каждой из форм познания и научиться сочетать их в человеческой жизнедеятельности.

Заключение

Таким образом, из указанных философско-мировоззренческих си-

стем постпозитивизм заимствовал следующие базовые принципы:

– иррационализм как неверие в силу человеческого разума;

– релятивизм как отрицание принципиальной возможности познать истину;

– неопрагматизм в виде отождествления истины с разновидностью пользы;

– мировоззренческий эклектизм, соединяющий подчас прямо противоположные теории и концепции;

– историко-философский пессимизм как неприятие идей так называемого линейного прогресса и постоянного совершенствования общества и человека, основанных на идеалах Возрождения и Просвещения.

Постмодернизм как наиболее радикальная версия постпозитивизма вообще отвергал возможность и необходимость существования теоретического знания, включая политическую теорию.

Отметим в заключение, что подобные шаткие теоретические позиции постпозитивистов (а то и полное их отсутствие) сделали весьма трудным или даже невозможным научный диалог с ними. Довольно часто постпозитивисты старались поставить

себя как бы «над» традиционными парадигмами ТМО и выступить в роли верховного судьи тех теорий, которые якобы погрязли в «примитивном позитивизме». При этом они нарушали собственный же принцип, заключающийся в том, что в науке нет монополии на истину, и что сам исследовательский процесс должен представлять собой диалог различных точек зрения.

К этому необходимо также добавить нарочито усложненный язык,

переполненный экзотическими неологизмами, которыми пользовались постпозитивисты и который они настойчиво пытались навязать в дискуссиях со своими оппонентами. Нетрудно себе представить, что такого рода псевдиалог был больше похож на «разговор немого с глухим» и чаще всего не заканчивался ничем конструктивным. Эти обстоятельства приходится учитывать при рассмотрении и критике взглядов постпозитивистов.

Библиография

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. А. Добронравова, Д. Лахути. – М.: Наука, 1958. – 284 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985. – С. 79-128.
3. Конышев В.Н., Сергунин А.А. «Постпозитивистская революция» и философия мировой политики // Философские науки. – 2013. – № 9. – С. 54-65.
4. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых великих дебатов? // Полис (Политические исследования). – 2013. – № 2. – С. 66-78.
5. Макарычев А.С., Сергунин А.А. Постмодернизм и западная общественная наука // Социально-политический журнал. – 1996. – № 3. – С. 151-168.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Сборник трудов. – Мн.: Харвест, 2005. – 264 с.
7. Пирс Ч.С. Начала прагматизма / Пер. с англ., предисловие В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 342 с.

8. Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000662/>
9. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. Целищева. – Новосибирск: Новосибирск. ун-т, 1997. – 432 с.
10. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 74-97.
11. Dewey J. How We Think. – Buffalo, NY: Prometheus Books, 1991. – 356 p.
12. Oakeshott M. The role of poetry in the conversation of mankind // Rationalism in politics and other essays. – London: Methuen, 1962. – Pp. 197-247.
13. Paul S. Feminism and Postmodernism. Available at: <http://www.humanismtoday.org/vol8/paul.pdf>
14. Rorty R. Method, social science and social hope // Interpreting politics. Ed. by Gibbons M. – Washington Square, N.Y.: New York University Press, 1987. – Pp. 241-242.
15. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. – Oxford: Blackwell, 1980. – 412 p.

Philosophical sources of the post-positivist political theory

Konyshev Valerii Nikolaevich

Full Doctor of Political Sciences, professor,
Saint Petersburg State University,

P.O. Box 199034, Universitetskaya emb., No. 7-9, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: konyshev06@mail.ru

Sergunin Aleksandr Anatol'evich

Full Doctor of Political Sciences, professor,
Saint Petersburg State University,

P.O. Box 199034, Universitetskaya emb., No. 7-9, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sergunin60@mail.ru

Abstract

The article aims at examining the philosophical sources of the post-positivist political theory. Particularly, the teachings of Friedrich Nietzsche and American pragmatism, Ludwig Wittgenstein's "analytical philosophy" and Richard Rorty's "rhetorical philosophy" are studied. The cumulative effect of these theories impact was that the post-positivism has incorporated the fundamental principles such as irrationalism (the lack of faith in rationality) and intuitivism; relativism (the denial of the absolute truth); neo-pragmatism (defining truth as a kind of the good); philosophical eclectics (the efforts to combine opposite theories and concepts); historic-philosophical pessimism (the rejection of the ideas such as linear progress and permanent improvement of society and individuals – the concepts which are based on the Renaissance and Enlightenment ideals). The postmodernism – being the most radical version of the post-positivism – has totally rejected the possibility and the need for theoretical knowledge, including the political theory. It should be noted that quite recently the post-positivist schools (e.g., social constructivism) have emerged that tried to develop political theories of their own.

Keywords

Post-positivism, philosophical sources, irrationalism, relativism.

References

1. Dewey, J. (1991), *How We Think*, Prometheus Books, Buffalo, NY, 356 p.
2. Fuko, M. (1996), ["Nitsche, genealogiya i istoriya", *Filosofiya epokhi postmoderna: Sbornik perevodov i referatov*], Krasiko-print, Minsk, pp. 74-97.
3. Konyshev, V.N., Sergunin, A.A. (2013), ["Postpozitivistskaya revolyutsiya" i filozofiya mirovoi politiki"], *Filosofskie nauki*, No. 9, pp. 54-65.
4. Konyshev, V.N., Sergunin, A.A. (2013), ["Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: kanun novykh velikikh debatov?"], *Polis (Politicheskie issledovaniya)*, No. 2, pp. 66-78.
5. Makarychev, A.S., Sergunin, A.A. (1996), ["Postmodernizm i zapadnaya obshchestvennaya nauka"], *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, No. 3, pp. 151-168.
6. Nietzsche, F. (2005), [Po tu storonu dobra i zla. Sbornik trudov], Kharvest, Minsk, 264 p.

7. Oakeshott, M. (1962), "The role of poetry in the conversation of mankind", *Rationalism in politics and other essays*, Methuen, London, pp. 197-247.
8. Paul, S., "Feminism and Postmodernism", available at: <http://www.humanismtoday.org/vol8/paul.pdf>
9. Peirce, C.S. (2000), [Nachala pragmatizma. Per. s angl.], Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aleteiya, St. Petersburg, 342 p.
10. Rorty, R. (1980), *Philosophy and the mirror of nature*, Blackwell, Oxford, 412 p.
11. Rorty, R. (1997), [Filosofiya i zerkalo prirody. Per. s angl.], Novosibirsk. un-t, Novosibirsk, 432 p.
12. Rorty, R., Gibbons, M. (1987), "Method, social science and social hope", *Interpreting politics*, New York University Press, Washington Square, N.Y, pp. 241-242.
13. Rorty, R., ["Filosofiya i budushchee"], *Voprosy filosofii*, available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000662/>
14. Wittgenstein, L. (1958), [Logiko-filosofskii traktat. Per. s nem.], Nauka, Moscow, 284 p.
15. Wittgenstein, L. (1985), ["Filosofskie issledovaniya", *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVI*], Moscow, pp. 79-128.